Сесилия Ахерн

ИДЕАЛ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111-055.2Ахерн
ББК 84(4Ирл)-44
А95

Cecelia Ahern
PERFECT

Перевод с английского Любови Сумм
Оформление переплета Надежды Данильченко

Ахерн С.
А95 Идеал : роман / Сесилия Ахерн ; [пер. с англ. Л. Сумм]. – М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. – 464 с.
ISBN 978-5-389-09534-2

Долгожданное продолжение бестселлера «Клеймо», дебютного романа в жанре «young adult» от автора международных бестселлеров Сесилии Ахерн.

Селестина Норт – примерная ученица, любящая дочь и сестра, девушка обаятельного Арта Кревана – в один миг разрушила свою жизнь, совершив поступок, признанный всемогущим Трибуналом порочным. Отныне она – Заклейменная, вынужденная скрываться от стражей, преследующих ее по приказу верховного судьи Кревана, отца ее любимого Арта. У Селестины есть опасная тайна, способная уничтожить и Кревана, и сам Трибунал. Ее она доверила лишь загадочному и привлекательному Кэррику, единственному, на кого она теперь может положиться. Решится ли Селестина отвергнуть свою новую любовь и обретенных в несчастье друзей ради надежды вернуться к прежней счастливой жизни?

Права на экранизацию романов «Клеймо» и «Идеал» приобретены компанией Warner Bros.

УДК 821.111-055.2Ахерн
ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-389-09534-2
© 2017 Cecelia Ahern
Фотография автора на обложке ©Matthew Thompson Photography
© Сумм Л.Б., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017
Издательство Иностранка®

ИДЕАЛ: *нечто совершенное, образцовое, безупречное, замечательное, лучшее в своем роде, достигшее высшего уровня.* О человеке: *обладающий всеми желательными или требуемыми качествами, свойствами или характеристиками; настолько хороший, насколько это возможно.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Есть тот человек, кем ты считал нужным стать, и тот, кто ты на самом деле. Но я утратила и то и другое.

2

Сорняк – это цветок, выросший не на месте.

Это не мои слова, это дед так говорит.

Он видит красоту во всем; точнее, все, несоответствующее условностям, оказавшееся не на своем месте, он считает самым красивым – лучше всего прочего. Я каждый день замечаю в нем эту черту: он любит старый крестьянский дом больше, чем отремонтированный флигель, варит кофе в древней железной кастрюльке на газовой плите, на живом огне, а блестящая новенькая машинка для эспрессо, которую мама подарила ему три дня рождения тому назад, так и собирает пыль, забытая на кухонной стойке. Нет, он вовсе не враг прогресса, он первый ринется в бой ради перемен, но он любит подлинное, истинную форму каждой вещи. Взять даже сорняки: он восхищается их дерзостью, как они пробиваются повсюду, хотя их никто не сажал. Это свойство дедушкиного характера и привело меня к нему в час нужды – и теперь он рискует

собственной безопасностью, чтобы предоставить мне убежище.

Убежище.

Это слово звучит в приказах Трибунала: *Каждый, кто окажет помощь Селестине Норт или предоставит ей убежище, понесет суровое наказание.* Какое наказание, они не уточняют, но, зная репутацию Трибунала, можно догадаться. Дедушка, похоже, вовсе не страшится той опасности, которую навлек на себя, приютив меня на своей земле, наоборот, угрозы еще более убеждают его в том, что он обязан меня защитить.

– Сорняк – это растение, которое хочет расти там, где люди не хотят его видеть, – добавил он, наклонился и толстыми, крепкими пальцами выдернул нахала из земли.

У него руки бойца, большие, широкие как лопаты, но и нежные: эти руки умеют растить и собирать урожай с его собственной земли, обнимать и защищать дочь и внуков. Эти руки, способные задушить мужчину, – те самые руки, которые вырастили дочь, возделали эту землю. Наверное, земледельцы – самые сильные бойцы, потому что у них есть связь с чем-то глубинным и драгоценным, есть ради чего биться, есть то, что стоит спасать. У дедушки – свои сто акров, в том числе клубничные поля, где мы сейчас, их он открывает летом для всех желающих, приезжают целые семьи собирать клубнику, и на эти деньги, как говорит дед, ему удается поддерживать хозяйство. И в этом году нельзя нарушать заведенный порядок

не только из-за денег, но и потому, что Трибунал догадается: я прячусь у него. За дедом следят. Он должен делать то, что делает каждый год, а я постараюсь не думать, каково мне будет услышать голоса ребятишек, радостно рвущих ягоды, или насколько опаснее станет моя жизнь, когда в фермерскую усадьбу хлынут посторонние люди – они же запросто могут заодно с клубникой отыскать и меня.

В детстве я любила приезжать сюда вместе с моей сестрой Джунипер, мы тоже собирали клубнику, хотя под конец дня больше ягод оказывалось в животе, чем в корзине, но теперь это место уже не кажется волшебным, как прежде. Теперь приходится полоть сорняки по-настоящему, раньше-то все была игра.

Я знаю, эти рассуждения деда о сорняках, растущих там, где им не рады, относятся ко мне, это его специальная «крестьянская терапия», но, хотя намерения у него самые лучшие, мое положение от таких слов становится чересчур очевидным:

Я – сорняк.

Пять Клейм на теле и тайное шестое – за то, что помогла Заклейменному и солгала перед Трибуналом. Мне дали понять яснее некуда: общество не хочет меня знать. Меня оторвали от родной почвы, выдернули с корнями, встряхнули и отбросили в сторону.

– Но *кто* решает, что это – сорняки? – продолжает дед, пока мы пропалываем грядки. – Не природа. *Люди* так решили. Природа *позволяет* им

расти. Природа назначила им это место. Но *люди* заклеймили эту траву – мол, сорняк – и в сторону.

– Но они же душат цветы, – пробормотала я наконец, подняв глаза от земли: спина разболелась, под ногтями земля.

Дед пронзил меня взглядом из-под низко надвинутой твидовой кепки: глаза голубые, зоркие, словно у сокола.

– Они – бойцы. Они борются за свое место под солнцем и выживают.

Я – сорняк. Я буду биться и выживу. Я – Заклейменная.

Сегодня мне исполняется восемнадцать лет.

3

Человек, которым я собиралась стать: Селестина Норт, дочь Саммер и Каттера, сестра Джунипер и Эвана, невеста Арта. Я бы сдала недавно выпускные экзамены и готовилась к поступлению в университет, чтобы серьезно изучать математику.

Сегодня мне исполнилось восемнадцать.

Сегодня мы бы праздновали мой день рождения с двадцатью ближайшими друзьями и членами семьи, на яхте, принадлежащей отцу Арта, может быть, устроили бы даже фейерверк. Боско Креван обещал предоставить яхту на весь день в полное мое распоряжение – такой подарок. На борту шоколадный фонтан, все обмакивали бы в него зефир и клубнику. Я представила себе Марлену, любимую подругу, с шоколадными усами, с вечно серьезным выражением лица, и прямо-таки услышала, как ее парень, не из самых умных, грозится сунуть под шоколадную струю ту или иную часть своего тела, – Марлена закатывает

глаза, я хохочу. Шуточная ссора, они всегда так, им нравится пикироваться, а потом мириться.

Папа захотел бы покрасоваться перед моими друзьями на танцполе, показал бы, как умеет подражать Майклу Джексону. Мамочка – знаменитая модель, мне видится, как она стоит на палубе в свободном летнем платье с цветочным узором, длинные светлые волосы слегка приподняты ветром, словно за ее спиной расположили идеально отлаженную машину для спецэффектов. Внешне она держится спокойно, но ее ум работает стремительно, подмечая все вокруг: и что нуждается в исправлении, и кому долить, кого не включили в разговор – щелкнет пальцами и проплывет среди гостей в своем цветочном платье и все уладит. Мой брат Эван объелся зефиром и шоколадом и бегает взапуски со своим другом Майком, оба красные, потные, ухитрились допить капельку со дна пивной бутылки, придется увезти их домой пораньше, животы разболелись. А вот и моя сестра Джунипер, в уголке с подругой, смотрит во все глаза, но сама всегда держится в стороне, наблюдает с тихой и довольной улыбкой, всегда наблюдает и понимает лучше, чем все остальные.

А вот и я – конечно же танцую с Артом. Я должна быть счастлива, но что-то не то. Я смотрю на Арта – нет, он не тот, что прежде: исхудал, выглядит старше, усталый, немытый, с щетиной на щеках. И он вроде бы смотрит на меня, а думает о чем-то другом. Едва-едва прикасается ко мне – эхо прикосновения – руки влажные. Словно мы

видимся в последний раз. Не так это должно было быть, никогда у нас так не было, у нас все было идеально, однако то, старое, я не могу теперь вызвать даже в мечтах и снах наяву. Кажется, что та пора моей жизни закончилась давным-давно. Идеал я оставила там, в далеком прошлом.

Я открываю глаза – снова у дедушки в доме. Передо мной купленный в магазине холодный яблочный пирог в фольге, в нем одинокая свечка. Есть та, кем я себя считала, – и теперь я не могу даже представить себе полностью этот идеал, врывается реальность, – и та, кем я стала сейчас на самом деле.

Эта девушка – беглянка (хотя в данный момент она застыла и смотрит на холодный яблочный пирог). Ни дедушка, ни я не притворяемся, будто это может продолжаться долго. Дедушка никогда не отворачивается от реальности, никаких фокусов с зеркалами и дымом. Он печально глядит на меня. Ходить вокруг да около он не станет. Теперь все слишком серьезно. Мы каждый день обсуждаем план, и каждый день план меняется. Я сбежала из дома, сбежала от приставленной ко мне стражницы Мэри Мэй – она служит в Трибунале, и ее работа в том и состоит, чтобы следить за каждым моим шагом, как я соблюдаю правила для Заклейменных. Я ускользнула от радара. Официально я объявлена в розыск, и чем дольше пробуду здесь, тем больше вероятность, что меня обнаружат.

Две недели назад мама велела мне бежать, у меня до сих пор мурашки бегут по коже, как

вспомню ее настойчивый шепот. Глава Трибунала, Боско Креван, ворвался в наш дом и потребовал, чтобы родители выдали меня. Боско – отец моего парня, бывшего парня, мы десять лет прожили по соседству. Месяца не прошло с тех пор, как мы сидели за столом в нашем доме. А теперь мама предпочитает, чтобы я пряталась, лишь бы не попала вновь ему в руки.

Дружба строится всю жизнь – врага можно нажить за секунду.

Только одну важную вещь я прихватила с собой, убегая: записку, что сунула мне моя сестра Джунипер. Записку от Кэррика, он сидел в соседней камере в замке Хайленд, где располагается Трибунал, он присутствовал у меня на суде, пока ждал своего, он видел, как меня клеймили, – *все* видел, в том числе тайное шестое Клеймо на позвоночнике. Единственный человек, кто в состоянии понять, каково мне сейчас, потому что прошел через все это сам.

Мне ужасно хочется найти Кэррика, но пока не получалось – он сумел удрать от своего стража, едва его выпустили из замка, и я понимаю, что ему непросто связаться со мной, когда меня ищут. Он успел найти меня перед тем, как я залегла на дно, – спас из месива в супермаркете, доставил домой (я отключилась, долгожданная наша встреча прошла не совсем так, как я надеялась). Оставил записку и исчез.

Но теперь я не могу связаться с ним. Нельзя было оставаться в городе, меня узнавали в лицо.

Я позвонила деду. Я понимала, что к нему на ферму стражи явятся в первую очередь, что мне следует искать другое, более надежное убежище, но по крайней мере на этой земле дед – господин.

Или так мы думали в тот момент. Едва ли он или я догадывались, как упорно стражи будут меня искать. С тех пор как я тут, на ферме, обыски не прекращались. Пока им не удалось обнаружить мое убежище, но они возвращаются снова и снова, скоро удача изменит мне, это я понимаю.

Всякий раз стражи подбираются к убежищу так близко, что я перестаю дышать. Я слышу их шаги, даже дыхание, а я лежу, скорчившись, зажатая, в какой-то щели над их головами или под ногами, иногда в таком очевидном месте, что им в голову не приходит туда посмотреть, иногда в таком опасном, что они не решаются лезть.

Сморгнув, я отгоняю эти мысли.

Смотрю на одинокий огонек, мерцающий на холодном яблочном пироге.

– Загадывай желание, – говорит дедушка.

Я закрываю глаза и думаю изо всех сил. Слишком много желаний, и все они теперь неосуществимы. Но я убеждена: если у человека вообще нет желаний, значит, он либо совершенно счастлив – либо сдался.

Счастливой я себя никак не могу назвать. И сдаваться не собираюсь.

И, хотя я не верю в магию, я считаю, нужно загадывать желания, это символ надежды, жест доверия к собственной воле, указание на цель. Мо-

жет быть, если сказать вслух, чего ты хочешь, оно станет реальным – наметишь свой путь, легче будет его пройти. Давай, собери в точку позитивные мысли: думай о том, чего хочешь, загадай желание, а потом постарайся его осуществить.

Я задуваю огонек.

Едва я открыла глаза, как в прихожей послышались шаги.

Дахи, верный управляющий деда, появился в дверях кухни:

– Стражи явились. Быстрее!

4

Дед вскочил из-за стола так проворно, что стул упал на каменный пол. Никто не стал его поднимать. К визиту стражей на этот раз мы оказались не готовы. Накануне они уже обыскали всю ферму вдоль и поперек, казалось, уж сегодня-то нас оставят в покое. И почему на этот раз не выли, как обычно, сирены? От их воя замирает каждая душа в каждом доме; когда они проносятся мимо, счастливчики могут потом рубашки на себе отжимать – какое облегчение!

Не обменявшись ни словом, мы выскользнули из дома. Инстинктивно мы понимали, что прятать меня внутри больше нельзя. Свернули направо, в сторону от подъездной дорожки, обрамленной вишнями в цвету. Я не знала, куда мы бежим, – главное, как можно дальше уйти от главного входа.

На ходу Дахи отрывисто сообщил:

– Арлин увидела их с башни. Позвонила мне. Без сирен. Застали врасплох.

Полуразрушенная нормандская башня служит теперь дозорной вышкой – оттуда дедовы помощники высматривают стражей. С тех пор как я тут, кто-нибудь обязательно дежурит и днем и ночью, работники сменяют друг друга.

– Они точно сюда? – спросил дед, оглядываясь во все стороны, поспешно соображая. Планируя. Но, увы, я почуяла панику в его жестах. Никогда раньше не замечала у деда страха.

Дахи кивнул.

Я побежала быстрее, чтобы не отстать.

– Куда мы?

Оба молчат. Дед все так же оглядывается, стремительно проносясь по своей земле. Дахи присматривается к деду, пытается разгадать его мысли. При виде их растерянности мне становится очень страшно. Чувствую, как колет под ложечкой, как частит сердце. Мы бежим со всех ног в дальний конец фермы не потому, что у деда есть план, а потому, что плана *нет.* Он пытается выиграть время, что-то придумать.

Сквозь поля, мимо клубничных грядок, где мы только что трудились.

Стражи все ближе. Раньше на обыск приезжала только одна машина, а теперь, кажется, их больше. И шум двигателей громче, видимо, вместо легковых автомобилей прислали минивэны. В легковом два стража, в минивэне – четверо. Сколько машин я слышу? Три? Может быть, двенадцать стражей.

Меня затрясло. Это будет обыск по полной программе, и теперь уж меня найдут непременно:

я в ловушке. Втянула в себя побольше свежего воздуха: свобода ускользает от меня. Что они со мной сделают, я не знала, но не так давно я заработала Клейма, красные буквы «П» выжжены у меня в шести местах. Совсем не хотелось выяснять, на что еще способны стражи.

Дахи глянул на деда:

– В овин?

– Они там пошарят.

Они смотрят куда-то вдаль, словно ждут ответа от самой земли.

От земли.

– Яма! – вырвалось у меня.

Дахи замялся:

– Не думаю, что это…

– Сойдет! – решительно заявил дед и двинулся к яме.

Сама же я и вспомнила про яму, но при мысли залезть туда меня пробирает дрожь. Голова кружится, я чуть не плачу. Дахи пропустил меня вперед, и я увидела на его лице сочувствие и грусть. Я увидела, что мысленно он уже прощается с мной.

Мы дошли вслед за дедом до росчисти поблизости от леса, в который упираются его земли. Сегодня утром они с Дахи рыли тут яму, а я лежала на земле рядом с ними и лениво вертела в руках одуванчик, смотрела, как медленно облетает на ветру пух.

– Словно могилу роете, – посмеялась я.

И не думала, что мои слова могут обернуться пророчеством.

5

Земляная печь, объяснял дед, – это самое простое и древнее приспособление для готовки. По сути дела – яма в земле, она удерживает тепло, и в ней можно печь, коптить, готовить на пару. Чтобы запечь еду, сначала нужно дать огню прогореть, потом в яму кладут еду и накрывают. Засыпают землей все – картошку, тыквы, мясо, что захочешь, – и на целый день оставляют готовиться. Дед выполняет этот ритуал каждый год вместе со своими работниками, но обычно это делают после сбора урожая, а не в мае. На этот раз он решил устроить праздник для «сплочения команды» – нам всем нужно воспрянуть духом, поверить друг в друга. Все работники деда – Заклейменные, и сейчас, когда то и дело являются с обысками стражи, когда за работниками пристальнее обычного следит Трибунал, он думает, людям нужна моральная поддержка.

Я не знала, что дед берет на работу Заклейменных, не знала, пока не добралась до его фермы две

недели тому назад. Раньше, когда мы приезжали в гости, я не встречала никого из работников, родители никогда о них не упоминали. Может быть, им не велено было показываться на глаза – или они занимались обычными своими делами и оставались для меня невидимками, как большинство Заклейменных, пока я сама не стала одной из них.

Теперь я понимаю, что и это вбивало клин между мамой и дедом: ей не нравилось, что он критикует Трибунал, назначенный правительством высший суд, который выносит людям приговор за поступки, несовместимые с моралью. Тогда нам казалось, что дед тешится теориями заговора, ворчит насчет того, на что, мол, он платит налоги. А он, оказывается, был прав. И еще я вижу, что дед был для мамы чем-то вроде маленькой, но неприятной тайны: она, знаменитая модель, должна была изображать идеал, по крайней мере для всех окружающих, ее успех не допускал ни пятнышка на репутации. А болтливый отец, да еще сторонник Заклейменных, представлял угрозу для ее безупречного имиджа. Теперь я это понимаю.

Некоторые работодатели относятся к Заклейменным словно к рабам. Длинный рабочий день, минимальная зарплата, и считайте, что вам повезло. Иные Заклейменные готовы работать даже за еду и крышу над головой. В большинстве своем это люди образованные, даже известные, и они не преступники, они приняли неверное решение – их поступки общество не одобрило, – и за это они заклеймены. И вдобавок организованное публич-

ное поругание. Судьи Трибунала любят называть себя «ревнителями идеала».

Дахи был школьным учителем. Попался – заснят школьной камерой, – когда слишком грубо схватил расшалившегося ученика.

И еще я теперь знаю, что донос в Трибунал – это оружие, которое многие люди пускают в ход, устраняя конкуренцию, расчищая себе дорогу или ради мести. Злоупотребляют системой. Трибунал открыл путь всякого рода оппортунистам и охотникам за головами.

Я нарушила фундаментальное правило: нельзя помогать Заклейменным. За нарушение этого правила обычно полагается тюремный срок, но меня в итоге сочли тоже достойной Клейма. Перед судом Боско пытался мне помочь. Он велел солгать и сказать, что я вовсе не хотела помогать этому старику. Но я так и не сумела солгать, я во всем в итоге призналась. Я заявила суду: Заклейменный – тоже человек, нуждающийся в помощи, имеющий на нее право. Этим я поставила в неловкое положение Кревана, превратила его суд в пародию – так, во всяком случае, он решил.

Поначалу ведь я солгала. Обманывала Трибунал, привлекла к себе внимание, а потом взяла и призналась публично. Пришлось на моем примере проучить всех. Теперь я понимала: Клейма я получила главным образом за то, что пыталась провести Трибунал, за то, что поставила судей в неловкое положение и даже сделала так, что люди могли усомниться в их безупречности.

Могущество Трибунала во многом зависит от СМИ. Они работают рука об руку, Трибунал снабжает СМИ сюжетами, СМИ поддерживает Трибунал и скармливает эти сюжеты публике. Нам твердят: судьи всегда правы, Заклейменные всегда плохи. Суть затуманивается, другую сторону никто не выслушивает, голос разума заглушается сиреной стражей.

Среди прочих запретов в длиннющем списке есть и такой: Заклейменные не могут занимать никакие начальственные должности на работе или такие, на которых они могли бы влиять на людей. Теоретически им открыты другие вакансии, без подчиненных, но обычно Заклейменных дискриминируют на любой работе. Но дед не из таких работодателей. Он специально подыскивает работников из числа Заклейменных и обращается с ними точно так же, как с другими людьми.

Дахи здесь дольше всех, тридцать лет уже. На виске у него уродливый шрам – память о неправильном решении схватить школьника. Это Клеймо он получил до того, как Трибунал обустроил специальную камеру Клеймения и инструменты стали тоньше и точнее. Но и этот шрам не так страшен, как мое шестое Клеймо на позвоночнике, тайное, которое поставил мне судья Креван собственноручно – не как судья, а по злобе, неумелой рукой, без анестезии. Мерзкий красный рубец.

Дахи снова принял неверное решение – вот прямо сейчас, когда помогает деду меня пря-

тать. Дед может отделаться минимальным сроком в полгода за помощь Заклейменной, но мне страшно даже подумать, какое наказание ждет Заклейменного за помощь собрату. Когда тебе ставят Клеймо, кажется, ничего страшнее уже быть не может – но погоди, Трибунал может взяться за твоих близких и через них причинить тебе еще больше боли.

Мы остановились и заглянули в прямоугольную яму. Слышно было, как хлопают двери, множество дверей, мне представилось, как носятся по дому и пристройкам стражи в красной униформе и черных сапогах. Минута-другая, и они будут здесь. Я залезла в яму.

– Засыпайте! – велела я.

Дед замер, но Дахи взялся за простыню, подтащил ее.

Дед погубит меня своими сомнениями.

Все, простыня уже лежит на мне, теперь сверху сыплют дерево и мох, который я нарвала утром в лесу. Мало того что я вырыла себе могилу: я и о гробе позаботилась.

Шаги все ближе.

– Нужно срочно связаться с Кэрриком, – негромко говорит дед, и я молча соглашаюсь с ним.

Слышно, как чавкают подошвы сапог.

– Корнелиус! – произносит где-то рядом Мэри Мэй.

Сердце в горле. Все в ней меня пугает: бессердечная женщина сдала Трибуналу всю свою семью, разоблачила неэтичные практики в семей-

ном бизнесе – отомстила за то, что сестра увела у нее парня. Она всякий раз участвовала в обыске фермы, но сегодня привела с собой, кажется, целую армию. Двенадцать человек по меньшей мере.

– Мэри Мэй, – бурчит в ответ дедушка. – Что, у сирен аккумуляторы сели?

Очередная хворостина падает на меня – с силой. Специально бросили, чтобы отвести подозрение. Прямо на брюхо, я чуть не взвыла.

Мэри Мэй не склонна шутить, болтать и даже пререкаться.

– Это что? – спросила она.

– Земляная печь, – ответил дед.

Оба стоят надо мной, слева от ямы. С другой стороны сыплются новые поленья, значит, Дахи пока еще тоже здесь.

– То есть?

– Вы не знаете, что такое земляная печь? Я-то думал, деревенская девочка с золотых лугов должна все про это знать.

– Нет, не знаю, – режет она слова. Недовольна, что деду известно ее прошлое. А дед это с радостью проделывает, дразнит ее, показывает, что она тоже у всех на виду. Легко так, весело, но в подтексте есть и угроза.

– Ну, я копаю яму, кладу на дно брезент, сверху дрова. Поджигаю. Когда прогорит до углей, кладу туда продукты и засыпаю землей. За сутки еда приготовится в той самой земле, из которой она выросла. Нет ничего вкуснее, никакая другая еда не сравнится. Меня научил отец, а его – дед.

– Интересное совпадение, – говорит Мэри Мэй. – Выкопали яму как раз перед тем, как мы приехали. Может, вы там что-то прячете?

– Тоже мне совпадение! Я вас сегодня и не ждал. А праздник мы устраиваем каждый год, любого работника спросите. Верно, Дахи?

Снова дрова и мох сыплются на меня. Ох!

– Верно, хозяин, – подтверждает Дахи.

– Думаете, я поверю Заклейменному?

Ее голос полон отвращения от одной мысли, что придется заговорить с таким. Затяжное молчание. Я стараюсь дышать. Брезент не натягивали плотно, воздух из щелей поступает, но недостаточно. Идиотская была мысль спрятаться тут – *моя* идиотская мысль. Теперь-то я жалею, что такое придумала. Могла удрать в лес – глядишь, Мэри Мэй заблудилась бы там, и мы бы до конца жизни играли там в прятки.

Мэри Мэй медленно обходит яму. Видит ли она очертания моего тела? Или не видит? Сейчас велит сбросить все эти дрова и мох и обнаружит меня. Дышать, дышать, слишком уже много навалили дров, хоть бы остановились.

– Дрова на растопку, значит? – уточнила она.

– Да, – подтвердил дед.

– Поджигайте, – приказала она.

Литературно-художественное издание

СЕСИЛИЯ АХЕРН

Идеал

Редактор А. Райская
Технический редактор Л. Синицына
Корректоры Т. Дмитриева, Т. Филиппова
Компьютерная верстка О. Краюшкина

В оформлении переплета использованы изображения
© BGSmith/shutterstock.com; © Jerome Stubbs/shutterstock.com

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.) 16+

Подписано в печать 22.02.2017. Формат 84 × 100 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура «Original Garamond». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,62. Тираж 25 000 экз.
B-AHR-17561-01-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru